

УДК 341.1/8: 349.4

UDC 341.1/8: 349.4

12.00.00 Юридические науки

Legal sciences

**ИСКУССТВЕННЫЕ ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: КОНВЕНЦИЯ
ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ**

**ARTIFICIAL PLOTS OF LAND UNDER
INTERNATIONAL LAW: THE UNITED
NATIONS CONVENTION ON THE LAW OF
THE SEA**

Гринь Елена Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент
SPIN-код 5873-4434

Grin Elena Anatolievna
Cand.Law.Sci., associate professor
SPIN-код 5873-4434

Малимонова Анастасия Сергеевна
магистрант
*Кубанский государственный аграрный
университет, Краснодар, Россия*

Malimonova Anastasia Sergeevna
Undergraduate
Kuban state agrarian university, Krasnodar, Russia

Настоящая статья посвящена правовому положению искусственных земельных участков в международном праве. Авторы кратко освещают историю становления современного международного морского права. Далее, анализируются нормы Конвенции «О морском праве», принятой Организацией Объединенных Наций в 1982 году, касающиеся правового статуса искусственных островов, находящихся в различных областях морского пространства: в территориальном море, в прилежащей зоне, на континентальном шельфе, в исключительной экономической зоне, в открытом море. Авторы приходят к выводу о том, что Конвенция «О морском праве» содержит однотипные и, в ряде случаев, взаимозаменяемые термины такие, как например, искусственный остров, установки, сооружения, устройства и конструкции. Вместе с тем, термин «конструкции» является собирательным для всех объектов, появившихся на морских пространствах благодаря человеческой деятельности. При этом указывается, что в Конвенции проводятся и разграничения между некоторыми видами искусственно созданных сооружений. Также в статье затрагиваются вопросы государственного суверенитета над рукотворными объектами, находящимися в морских пространствах, и проводятся некоторые параллели с российским законодательством, устанавливающим правовой статус искусственно созданных земельных участков

The article is about legal status of artificial plots of land in International law. The authors briefly tell about the history of development of modern international maritime law. Then the authors analyze United Nations Convention's 1982 on The Law of The Sea norms about legal status of artificial plots of lands situated in different regions of marine space: in the territorial sea, the contiguous zone, on the continental shelf, in the exclusive economic zone, on the high seas. The convention includes terms of the same nature, for example, artificial island, installations, structures, devices and constructions. The term «constructions» is collective for all objects, that was made by people in the maritime space. At the same time, the Convention divides some kinds of artificial things. In addition, the article is about State Sovereignty issues of artificial objects, which are placed in the maritime space. The authors established some parallels between International law rules and Russian law rules, which govern the legal status of artificial plots of land

Ключевые слова: ИСКУССТВЕННЫЙ
ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК, ИСКУССТВЕННЫЙ
ОСТРОВ, МОРСКОЕ ПРАВО,
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО, РУКОТВОРНЫЕ
КОНСТРУКЦИИ

Keywords: ARTIFICIAL PLOT OF LAND,
ARTIFICIAL ISLAND, THE LAW OF THE SEA,
INTERNATIONAL LAW, ARTIFICIAL
CONSTRUCTIONS

Doi: 10.21515/1990-4665-132-030

На первый взгляд может показаться, что такая правовая категория, как искусственные земельные участки, возникла совсем недавно вместе с появлением и развитием соответствующих технологий. Но это не так – еще древние римляне знали о возможности образования новых территорий. При этом римское право связывало возникновение земельных участков исключительно с действиями природных факторов. В настоящее время ситуация изменилась, и появление новых территорий преимущественно обусловлено целенаправленной человеческой деятельностью. И этот вид жизнедеятельности, несомненно, нуждается в детальной правовой регламентации, как на национальном, так и на международном уровнях. В сфере международного права большой интерес для нас представляет Конвенция ООН по морскому праву, подписанная в 1982 году и вступившая в силу в 1994 году. Конвенция призвана регламентировать режим основных морских пространств, таких, как континентальный шельф, открытое море, территориальное море и другие, а также содержит ряд норм, касающихся искусственных земельных участков, их правового статуса и защиты.

Прежде, чем исследовать статьи Конвенции, необходим исторический экскурс. До второй половины XV века не существовало никакой правовой регламентации пользования водными пространствами, но в результате столкновения интересов на морском пространстве двух могущественных держав – Испании и Португалии, - в 1493 году появился первый Указ о регулировании использования международного морского пространства, действующий около века. В XVII веке ситуация изменилась, и лидерами на международной арене стали Нидерланды и Великобритания. Именно тогда Гроций стал пропагандировать принцип свободы открытого моря, основной идеей которого является признание моря неисчерпаемым ресурсом, открытым для использования всеми государствами. Позднее Томас Джефферсон предложил правило «трех

миль», согласно которому установили соответствующую ширину территориального моря.

В начале двадцатого века произошло расширение использования морских пространств, что обусловило всеобщую заинтересованность в развитии международного права в области юрисдикции государств над морями. В 1930 году в Гааге под эгидой Лиги наций состоялась международная конференция по кодификации международного законодательства, на которой приняли ряд норм и правил, регулирующих межгосударственные отношения на море. Для нас интересным представляется тот факт, что конференция дала дефиницию понятия «остров» - это территория, со всех сторон окруженная водой, находящаяся выше уровня воды при приливе [1]. При этом данное определение не исключает из себя искусственные земельные участки, при условии, что это действительно территории, а не обычные плавучие объекты, и, если они не находятся вблизи демаркационных линий территориального моря двух государств.

Стоит отметить, что международные акты оперируют понятием «искусственный остров», а не «искусственный земельный участок». Это можно объяснить тем, что данные документы регулируют отношения, складывающиеся в морских пространствах, оторванных от берегов государств, поэтому там невозможно строительство такой разновидности искусственно созданных участков, как полуостров, а возводятся только острова.

К середине столетия стали выдвигаться национальные требования в отношении морских ресурсов. Это мотивировалось обеспокоенностью по поводу сборов на прибрежных рыбных запасах и угрозой загрязнения и отходов от судов, которые пересекали морские маршруты по всему миру. Усиление противоречий и недовольства грозило превращением моря в арену боевых действий.

Первый шаг сделали США, когда 28 сентября 1945 года президент Г. Трумэн издал прокламацию, которой расширил юрисдикцию государства над всеми природными ресурсами на континентальном шельфе. Это был первый серьезный вызов свободе морского пространства. Другие страны вскоре последовали этому примеру [2].

Тогда же, после Второй Мировой войны, страны-победительницы, в целях поддержания и укрепления международного мира и безопасности [3], создали Организацию Объединенных Наций, на базе которой возникла Комиссия по международному праву.

Принятию Конвенция ООН по морскому праву 1982 года предшествовали три конференции. Первая конференция проходила в 1958 году и оказалась достаточно плодотворной, так как на ней были приняты четыре Конвенции: о территориальном море и прилежащей зоне, об открытом море, о континентальном шельфе, о рыболовстве и об охране живых ресурсов открытого моря. Эти документы формализовали нормы обычного права, которым на протяжении столетий регулировалось использование морских пространств. В рамках этой конференции рассматривался вопрос и об искусственных земельных участках, но только в контексте континентального шельфа. Прибрежные государства получили право «возводить, содержать или эксплуатировать на континентальном шельфе сооружения и иные установки, необходимые для разведки и разработки его естественных богатств, а также создавать зоны безопасности вокруг этих сооружений и установок и принимать в этих зонах меры, необходимые для их охраны» [4]. При этом оговаривалось, что все подобные сооружения и установки не имеют статус островов, а значит территориального моря вокруг них нет, и они не увеличивают ширину территориального моря государства, давшего разрешение на строительство таких сооружений.

Определение понятия «остров», данное в Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне повторило определение, ранее данное на международной Гаагской конференции 1930 года, только в него добавили важный признак «естественности» [5], т.е. под островом стали подразумевать исключительно природные объекты.

Вторая конференция состоялась в 1960 году, ее целью стало определение ширины территориального моря прибрежных государств, но участники не сумели договориться и найти взаимоприемлемые решения.

Толчком к созыву новой конференции стала речь представителя Мальты в ООН А. Пардо, произнесенная в 1967 году на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. А. Пардо призывал страны открыть глаза на надвигающийся конфликт, способный поставить под угрозу само существование человечества и разрушить океаны. Причиной такого конфликта он назвал недостаточную регламентацию отношений на морских просторах. Эта речь пришлась на то время, когда многие люди стали признавать необходимость обновления доктрины о свободе открытого моря, которая не учитывает научно-технический прогресс, благодаря которому изменилось отношение человека к морю. Третья конференция начала свою работу в 1973 году и продолжалась до 1982 года. На последней сессии этой конференции приняли Конвенцию ООН по морскому праву.

Вопрос, косвенно касающийся искусственный островов, первой подняла Бельгия. Представители делегации представили текст о континентальном шельфе, в котором указали на то, что могут быть случаи использования континентального шельфа, не связанные с разведкой и добычей природных ресурсов. Они предложили правило, согласно которому сооружения, создаваемые для иных целей, будут иметь пятисотметровую охранную зону, но при этом указали на необходимость

сохранения оговорки об отсутствии у них собственного территориального моря.

В то же время представитель Бельгии указал, что возникает две проблемы в установлении правового режима таких искусственных участков. Первая заключается в определении юрисдикции, которой будет подчиняться искусственная территория. Вторая – в необходимости обозначить условия, при соблюдении которых будет возможно возведение сооружений [6].

Вопрос юрисдикции не вызвал больших затруднений: было решено, что искусственная территория будет подчиняться юрисдикции того государства, с континентальным шельфом которого она связана или, если территория находится в его исключительной экономической зоне [7].

Относительно второй проблемы можно утверждать, что Конвенция 1982 года устанавливает, что правом возводить искусственные земельные участки в открытом море обладают все государства, если их возведение не нарушает прав других субъектов. Порядок возведения искусственных территорий на континентальном шельфе или в исключительной экономической зоне устанавливается государствами самостоятельно. При этом должны соблюдаться правила, изложенные в статье 60 Конвенции.

Итак, положения Конвенции 1982 года являются развитием положений, изложенных ранее в Конвенции о континентальном шельфе.

По мнению Ф. Гали, отказ внести в текст Конвенции предложения Бельгии и иных государств, касающиеся искусственных земельных участков, привел к тому, что развитие правового режима таких территорий происходит за рамками международной Конвенции, что порождает вопросы о правовом положении искусственно созданных участков в международном праве [8].

Таким образом, в XX столетии произошло существенное развитие международного морского права, включая те его области, которые

регулируют юридический статус искусственных территорий. Именно эти нормы и представляют интерес для исследователей такой правовой категории, как искусственно созданные земельные участки.

Конвенция ООН о морском праве 1982 года использует такое понятие, как «искусственный остров». Но наряду с ним в тексте есть и иные понятия: установки, сооружения, устройства, конструкции. Ф. Гали считает, что все эти термины являются взаимозаменяемыми, и все они в разных контекстах связаны с искусственными островами [8].

С ее мнением трудно не согласиться, учитывая тот факт, что в Конвенции не дано дефиниции ни одного из указанных терминов. Кроме того, обращаясь к российскому законодательству, можно обнаружить, что и здесь нет единого понятия, используемого во всех нормативных актах, документы оперируют однотипными, но различными терминами [9].

Следующим доводом в поддержку тезиса, высказанного Ф. Гали, является тот факт, что в Конвенции неоднократно указывается, что устройства, сооружения, искусственные острова, возводимые в исключительной экономической зоне, на континентальном шельфе, в Районе («дно морей и океанов и его недра за пределами национальной юрисдикции» [7]) не имеют статуса островов, а также своего территориального моря, и их наличие не влияет на определение границ территориального моря, исключительной экономической зоны или континентального шельфа [7].

Еще один аргумент - в первой статье Конвенции все рукотворные сооружения объединены в одну группу так называемых «искусственно сооруженных в море конструкций» [7]. Таким образом, по смыслу Конвенции термин «конструкции» является собирательным для всех объектов, появившихся на морских пространствах благодаря человеческой деятельности.

При этом в документе проводятся и разграничения между некоторыми видами искусственно созданных сооружений. Так, ст. 11 четко отделяет порты от искусственных островов и сооружений: они не считаются постоянными портовыми сооружениями. Использование признака «постоянности» является важным, так как позволяет сделать вывод о признании международным сообществом существования и временных сооружений. Но трудно представить ситуацию, когда кто-нибудь решит построить искусственный остров на ограниченный срок, так как его возведение требует вложения больших средств, и это будет просто нерентабельно.

Также Конвенция однозначно отделяет платформы от искусственно сооруженных в море конструкций [7]. Представляется, что причиной тому является различный характер этих конструкций. Так, платформа на море помещается с конкретной целью, связанной с промышленной деятельностью человека. Например, существуют буровые, нефтяные, плавучие и иные платформы, и они не имеют ничего общего ни с искусственными, ни с естественными с островами.

Е. Хоссейн считает, что теоретически категория «искусственные острова» шире, чем «прибрежные установки» [10]. Объясняется это тем, что возведение установок возможно лишь для достижения конкретной цели, такой как изучение, эксплуатация, сохранение и управление живыми и неживыми морскими ресурсами, ресурсами морского дна, а также в иных экономических целях. В то время, как возможность создания искусственных островов не зависит от целей их эксплуатации.

Термин «устройство» часто используется вместе с термином «установки» в нормах, регулирующих отношения, связанные с защитой морской среды от загрязнений. При этом Конвенция проводит различие между устройствами и установками, предназначенными для разведки и разработки природных ресурсов. Так, толковый словарь дает следующее

определение понятия «устройство» - механизм, машина, прибор [11]. То есть это термин, означающий объекты, имеющие механическое назначение. Причем, по-видимому, данные вещи обладают признаками мобильности, т.е. легко перемещаемые, чего нельзя сказать об установках и тем более об искусственных островах.

Под понятием «сооружение» понимается объект недвижимого имущества: группа в классификации основных средств, представляющих собой инженерно-строительные объекты, предназначенные для выполнения общих функций процесса производства [11]. Иными словами, это предмет, тесно связанный с землей, а в случае с морскими сооружениями – дном. Получается, что сооружениями являются всякие рукотворные объекты, не способные к перемещению без соразмерного ущерба. Помимо этого, в ст. 3 Федерального закона «Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах, находящихся в федеральной собственности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12] закреплено, что данные участки после их ввода эксплуатацию признаются земельными участками, которые (несмотря на ввод их в эксплуатацию) не утрачивают статус сооружения. Таким образом законодатель указывает на двойной статус рассматриваемых объектов: как рукотворного сооружения и земельного участка.

Как уже говорилось выше, главное отличие природного острова от искусственного – естественный характер его возникновения. Еще одно отличие – наличие территориального моря у натурального острова и его отсутствие у рукотворного. Различия между «естественными» и «искусственными» островами установили для того, чтобы обеспечить недопустимость присвоения государствами морских территорий посредством возведения искусственных конструкций (островов).

По смыслу части IV Конвенции рукотворные острова даже не могут войти в состав архипелага, так как архипелагом признаются острова, соединяющие их воды и иные природные образования. Это значит, что возможно увеличение только сухопутной, но не морской территории государства-архипелага с помощью искусственных конструкций. На такие участки распространяется юрисдикция страны-создателя, но международный их статус будет отличаться от статуса природных частей архипелага.

Обращаясь к вопросу строительства искусственных островов, необходимо отметить, что они могут быть возведены в любой области морского пространства: в территориальном море, прилегающей зоне, на континентальном шельфе, в исключительной экономической зоне, в открытом море.

Суверенитет прибрежного государства распространяется не только на его сухопутную территорию и внутренние воды, но еще и на территориальное море, его дно и воздушное пространство над ним. Но несмотря на это у всех стран есть обязанность не препятствовать мирному проходу иностранных судов через территориальное море. Представляется, что эта обязанность относится и к строительству искусственных островов, которые также не должны мешать мирному проходу.

Иностранное государство не может создавать или эксплуатировать искусственную структуру внутри внутренних вод без специального разрешения прибрежного государства. В случае отсутствия согласия заинтересованное государство, считающее, что его права нарушены, может обратиться в Международную морскую организацию, которая, хотя и не уполномочена запрещать строительство, может предписывать осуществить изменения, поскольку считает необходимым обеспечить защиту законных интересов других государств [13].

Зона, прилегающая к территориальному морю, называется прилежащей. В этой зоне государство может осуществлять контроль, касаемо соблюдения установленных правил и норм и наказания за их нарушение. Таким образом, возведение искусственных островов, если оно соответствует всем нормативам, не подконтрольно прибрежным государствам.

В исключительно экономической зоне суверенитет распространяется только на ресурсы: живые и неживые. Но здесь государства не имеют полного суверенитета над водными пространствами. Это проявляется в том, что в исключительной экономической зоне все государства могут пользоваться свободами, закрепленными в ст. 87 Конвенции: свободой судоходства, полетов, прокладки подводных кабелей и трубопроводов, возведения искусственных островов и установок, рыболовства и научных исследований. При этом ст. 60 Конвенции закрепляет исключительное право прибрежного государства на возведение и дачу разрешения на строительство искусственных островов и различных установок. Также оно имеет исключительную юрисдикцию над такими островами и установками.

Интересным представляется тот факт, что Конвенция закрепляет обязанность информирования о строительстве островов, установок и сооружений, а обязанность информировать об удалении предусмотрена только для демонтажа установок и сооружений. Получается, что такая возможность для искусственных островов вообще не предусмотрена, что доказывает суждение о том, что рукотворные острова не носят временный характер.

Прибрежное государство осуществляет над континентальным шельфом суверенные права в целях его разведки и разработки его природных ресурсов. При этом оно обладает юрисдикцией над эксплуатацией искусственных островов. Права прибрежного государства

на континентальный шельф не затрагивают правового статуса покрывающих вод и воздушного пространства над этими водами [7]. То есть ничто не должно неоправданно ущемлять право иных стран, в том числе право на судоходство. Вопросы строительства и эксплуатации рукотворных островов регулируются по правилам, установленным для исключительной экономической зоны.

Несомненно, что строительство искусственных островов или сооружений может быть связано только с разведкой и эксплуатацией природных ресурсов континентального шельфа. Прибрежное государство не имеет права возводить или использовать такие острова для любой другой цели [8].

Статья 87 Конвенции закрепляет, что открытое море открыто для всех государств. Статья 89 раскрывает данный тезис: «Никакое государство не вправе претендовать на подчинение какой-либо части открытого моря своему суверенитету».

П. Хаанаппель считает, что: «На такие острова не распространяется национальный суверенитет, но государства, строящие искусственные острова или другие объекты в открытом море, обладают исключительной юрисдикцией над ними, это своего рода «квази-суверенитет» [14].

С этим мнением трудно не согласиться, так как такая территория является рукотворной, а, значит, должна кому-то принадлежать. В этом случае наличие юрисдикции необходимо, так как кто-то должен контролировать деятельность людей на таких островах, кто-то должен осуществлять преследование и наказание за правонарушения. Кроме того, сам «строитель» несет ответственность за процесс и результаты строительства. Суда, платформы, буровые установки, находящиеся под флагом, имеют квази-суверенитет своего государства, а Конвенция четко не разделяет искусственные объекты друг от друга. Так почему бы тогда

не применить правила, касающиеся таких объектов, к возведенному острову?

Несмотря на свободу открытого моря возведение искусственных объектов в нем может вызвать серьезные затруднения, т.к. создаются новые препятствия для судоходства и осуществления навигации.

Также четко не определен статус зон безопасности, устанавливаемых вокруг рукотворных сооружений. Так, профессор Д. Аттард задается такими вопросами: «Могут ли государства посредством установления зон безопасности исключить проникновение туда иностранных судов? Означает ли установление такой зоны изменение морских маршрутов, ограничение видов и размеров судов, имеющих право проходить в безопасной зоне? А в случае нарушения таких ограничений может ли государство захватить иностранное судно?» [15].

Отсутствие четких понятий, таких как «разумные зоны безопасности», «применимые международные стандарты» и «признанные морские пути, необходимые для международного судоходства», может привести к проблемам [15]. Таким образом, делаем вывод о необходимости дачи ясных определений, не допускающих неоднозначного трактования, во избежание конфликтов.

Итак, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года нет определения искусственных островов, должным образом не определен их статус, что создает путаницу. Представляется, что необходимо четко разграничить, все взаимозаменяемые термины, используемые Конвенцией. Кроме того, выявленные пробелы правового регулирования создания и эксплуатации рукотворных островов на международном уровне создают возможность для злоупотреблений. Только исправив недостатки можно создать эффективную правовую структуру.

Список литературы:

1. Acts of the Hague Conference. 1930. Vol. III.
2. The United Nations Convention on the Law of the Sea (A historical perspective)
/ URL:http://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/convention_historical_perspective.htm #The Future (дата обращения: 25.06.2017).
3. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий / URL: <http://gtmarket.ru/organizations/united-nations/info> (дата обращения: 25.06.2017).
4. Конвенция о континентальном шельфе (заключена в г. Женеве 29.04.1958) // Ведомости ВС СССР. 8.07.1964 г. № 28. Ст. 329.
5. Конвенция о территориальном море и прилежащей зоне (заключена в г. Женеве 29.04.1958) // Ведомости ВС СССР. 21.10.1964 г. № 43. Ст. 472.
6. Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Official Records. Vol. II. Summary Records of meetings. Second Session: Caracas 20 June – 29 August 1974. Agenda. I. 18. P. 278.
7. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) с изм. от 23.07.1994г. // СЗ РФ. 1997. № 48. Ст. 5493.
8. Galea F., Artificial islands in The Law of the Sea. Malta. 2009.
9. Гринь Е. А., Малимонова А. С. Искусственный земельный участок: проблемы терминологии // Молодой ученый. 2015. №19. С. 470-472.
10. Hossein E., The Legal Regime of Offshore Oil rigs in International Law. Dartmouth Publishers. 2001.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под.ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1988. / URL:<http://www.endic.ru/ozhegov/Sooruzhenie-33301.html> (дата обращения: 23.06.2017).
12. Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах, находящихся в федеральной собственности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 19.07.2011 г. № 246-ФЗ с изм. и доп. от 03.07.2016 г. // СЗ РФ. 2011. № 30 (часть 1). Ст. 4594.
13. Molenarr E.J., Airports at Sea: International Legal Implications, the International // Journal of Marine and Coastal Law. Vol. 14. No.3.
14. Haanappel P., The Law & Policy of Air Space and Outer Space. Kluwer Law International. 2003.
15. Attard J.David. The Exclusive Economic Zone in International Law. Oxford. 1987.

References

1. Acts of the Hague Conference. 1930. Vol. III.
2. The United Nations Convention on the Law of the Sea (A historical perspective)
/ URL:http://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/convention_historical_perspective.htm #The Future (data obrashhenija: 25.06.2017).
3. Gumanitarnaja jenciklopedija // Centr gumanitarnyh tehnologij / URL: <http://gtmarket.ru/organizations/united-nations/info> (data obrashhenija: 25.06.2017).
4. Konvencija o kontinental'nom shel'fe (zakljuchena v g. Zheneve 29.04.1958) // Vedomosti VS SSSR. 8.07.1964 g. № 28. St. 329.
5. Konvencija o territorial'nom more i prilzhashhej zone (zakljuchena v g. Zheneve 29.04.1958) // Vedomosti VS SSSR. 21.10.1964 g. № 43. St. 472.

6. Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Official Records. Vol. II. Summary Records of meetings. Second Session: Caracas 20 June – 29 August 1974. Agenda. I. 18. P. 278.
7. Konvencija Organizaciji Obedinennyh Nacij po morskemu pravu (UNCLOS) (zakljuchena v g. Montego-Bee 10.12.1982) s izm. ot 23.07.1994g. // SZ RF. 1997. № 48. St. 5493.
8. Galea F., Artificial islands in The Law of the Sea. Malta. 2009.
9. Grin' E. A., Malimonova A. S. Iskusstvennyj zemel'nyj uchastok: problemy terminologii // Molodoj uchenyj. 2015. №19. S. 470-472.
10. Hossein E., The Legal Regime of Offshore Oil rigs in International Law. Dartmouth Publishers. 2001.
11. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka / Pod.red. N.Ju. Shvedovoj. M., 1988. / URL:<http://www.endic.ru/ozhegov/Sooruzhenie-33301.html> (data obrashhenija: 23.06.2017).
12. Ob iskusstvennyh zemel'nyh uchastkah, sozdannyh na vodnyh obektah, nahodjashhihsja v federal'noj sobstvennosti, i o vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 19.07.2011 g. № 246-FZ s izm. i dop. ot 03.07.2016 g. // SZ RF. 2011. № 30 (chast' 1). St. 4594.
13. Molenarr E.J., Airports at Sea: International Legal Implications, the International Journal of Marine and Coastal Law, Vol. 14. No.3.
14. Haanappel P., The Law & Policy of Air Space and Outer Space. Kluwer Law International. 2003.
15. Attard J.David. The Exclusive Economic Zone in International Law. Oxford. 1987.